

DOI 10.23859/1994-0637-2017-4-79-16
УДК 81'42

© Черняк В.Д., Редкина Е.С., 2017

Черняк Валентина Данииловна

Доктор филологических наук,
профессор, Российский
государственный педагогический
университет (Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: vdcher@yandex.ru

Chernyak Valentina Daniilovna

Doctor of Philology, Professor,
Herzen State Pedagogical University of
(St. Petersburg, Russia)
E-mail: vdcher@yandex.ru

Редкина Елизавета Сергеевна

Аспирант, Российский
государственный педагогический
университет (Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: red.elizaveta@gmail.com

Redkina Elizaveta Sergeevna

Postgraduate student,
Herzen State Pedagogical University of
(St. Petersburg, Russia)
E-mail: red.elizaveta@gmail.com

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ
ТЕКСТОВ НОВЕЙШЕЙ РУССКОЙ
ПОЭЗИИ**

**SEMANTICAL DOMINANTS OF
NEWER RUSSIAN POETRY TEXTS**

Аннотация. Статья посвящена семантическим доминантам в текстах новейшей русской поэзии. Материалом исследования являются тексты современных поэтов, опубликованных в последние годы в «толстых» литературных журналах. Авторы выделяют особенности позиции лирического субъекта в новейшей русской поэзии и лексико-семантические средства ее выражения. В статье рассматриваются такие общие для современного поэтического дискурса тенденции, как прозаизация, деромантизация, интертекстуальность.

Abstract. The article is focused on semantic dominants in newer Russian poetry texts. The research centers on the texts of contemporary poets published in recent years in the "thick" literary magazines. The authors identify the particular position of the lyrical subject in newer Russian poetry and lexico-semantic means of it's expression. The article deals with the common modern poetic discourse tendencies such as prosaization, deromanticization, intertextuality.

Ключевые слова: семантические доминанты, новейшая русская поэзия, прозаизация, интертекстуальность

Keywords: semantic dominants, newer Russian poetry, prosaization, modern Russian literature

Введение

Поэтический дискурс первых десятилетий XXI века в лингвистическом аспекте остается практически не изученным, между тем кардинальные социокультурные перемены рубежа веков не могли не повлиять и на художественные практики, в том числе на язык современной поэзии.

Материалом данной статьи послужили поэтические тексты, опубликованные в «толстых» литературных журналах последних лет. Представляя творчество широкого круга авторов, разных по возрасту, творческому опыту, художественным и эстетическим установкам, они в то же время демонстрируют некоторые общие черты языка новейшей русской поэзии. Эти черты наблюдаются на разных уровнях, однако в данной работе нас интересует, прежде всего, лексико-семантическая составляющая.

Семантические доминанты новейшей поэзии обнаруживаются не только и не столько в ключевых словах (последние выявляются в отдельных произведениях или поэтических циклах автора), сколько в общих тенденциях, характеризующих современный поэтический дискурс (или, точнее, заметную его часть).

Несмотря на безусловные различия традиций и стилей авторов, принадлежащих разным поэтическим школам и направлениям, исследователями выделяются некоторые специфические свойства новейшей поэзии. И лингвисты, и литературоведы, и критики отмечают черту, обозначенную Л.В. Зубовой как «анти-пафос» [3]. Так, В. Козлов говорит, что в новейшей поэзии лирическое «я» «лишается прав» [5], Е. Абдуллаев пишет о «страхе прямого высказывания» [1], И. Дуардович – о «боязни лирики» [4], А. Сворцов – о том, что современные авторы «сомневаются в возможности прямого авторского высказывания» [7]. Указанные особенности так или иначе связаны с тенденцией к прозаизации, деромантизации поэтического слова. Речь «от лица маски» [2] находит свое отражение в специфике художественных и языковых приемов, в лексико-семантической организации текстов, в цитации и аллюзиях.

Основная часть

Среди особенностей организации текстов новейшей русской поэзии в первую очередь следует назвать стилистическую неоднородность, использование «синтетического языка», в котором «сопрягаются» разные языковые пласты, дается «новая жизнь идиомам и поговоркам», «осовремениваются» архаизмы, новаяяз погружается на «языковую глубину» [6]. Характерным для многих поэтических произведений является использование бытовой лексики и фразеологии, а также элементов субстандарта, часто в сочетании с устаревшими и книжными словами. Эта черта органично соединяет современную поэзию и прозу.

Активное использование лексики из бытовой сферы позволяет создать картину социального неблагополучия, криминальной и маргинальной обстановки: «И подъезд, обветшавший, как древняя ложь, / Подоконник в окурках, соседский дебош, / Звон разбитых бутылок, с ухмылкой шмон / И тлетворная сладость чужих похорон (В. Сосновский). Бытовая лексика изображает повседневный мир как продукт жизнетворчества человека; обстановка, предметные реалии отождествляются с содержанием человеческой жизни, «кодируют» ее события. Перечисление в стихотворении предметов, бытовых мелочей в однородном ряду способствует созданию образа обыденного, но разрушенного мира, в котором жизнь человека теряет свою ценность: «Остов шкафа, скелет дивана, / Титаником – ванна, / Чугунная,верху днищем. / Раскрытые книги, как убитые бабочки. / Штукатурка. Рваные тапочки. / И медведь, здоровенный, плюшевый. / В красной, дурацкой шапочке. / Жили – были. Зачем – не спрашивай. / Вообще ни о чем никогда не спрашивай, / Потому что мы всегда находим не то, / что ищем» (Иван Давыдов). «Единство каузируемой различными вещами и/или ситуациями эмоции и является центром объединения их имен в аксиологическую парадигму» [8, с. 27].

Субстандартные фразеологические единицы в поэтическом тексте приобретают особый статус благодаря их образности и эмотивности, они «выступают не только средством номинации, но и выполняют другие функции» [8]. Использование готовых речевых формул в поэтическом тексте связано с представлением некоей унифицированной ситуации, речевых и поведенческих стереотипов, с изображением «обычного» героя, с имитацией устной спонтанной речи: «Для кого-то никто, / для кого-то поэт, / для кого-то переводчик, / родился тогда-то и там-то / (а точнее, в татарском Крыму, дальнем, как для Улисса Итака), / поступал, поступался, считался, сбивался со счета, / Заводил, заводился (бывало, и с пол-оборота), / наступал по

примеру других на любимые грабли, / меру знал, если врал (все когда-нибудь ввали)...» (Евгений Солонович). Использование разговорных фразеологизмов способствует снижению образа персонажа: «...то ли хранитель то ли гонец летучий / спрашивает: / Господи? / на всякий пожарный случай» (Андрей Василевский).

Следует отметить, что обытовление образа автора, персонажа, ситуации в новейшей поэзии зачастую осуществляется посредством включения в текст снижающей метафоры, создаваемой, в частности, с помощью лексики, обозначающей физиологические и биологические процессы. Такие процессы чаще всего негативно маркированы, затрагивают интимную сторону жизни человека, связаны с умиранием, увяданием, разложением, болезнью: «...пейзаж, хватаясь за предметность, оглушает», / высвобождая органичную способность человека / смердеть кошачьим трупом» (Владимир Козлов); «Мы наспех недоверчиво прощались, / сворачивая в шепот спелый крик, / и амальгамы с ртутными прыщами / являли мне чужой бесхозный лик» (Константин Комаров); «...в переносном смысле канув / в стикс предав меня едва / горсткой дохлых тараканов стали важные слова» (Бахыт Кенжеев). В стихотворении Ганны Шевченко «В плазме окна демонстрирует май» сталкиваются лексемы, относящиеся к сфере высокого (ангел, слезы Марии, мироточение), и лексемы, обозначающие отталкивающие физиологические процессы: «Ангел проснется, откроет затвор, / выльет на головы чашу азота, / чтоб наугад разливался раствор – / ток стихотворный, небесная рвота. / Что в этой влаге: частицы дождя, / взвесь окаянная, слезы Марии, / мироточение из-под гвоздя, / флора божественной дизентерии?» «Ток стихотворный» (поэтическое творчество) представлен как отходы жизнедеятельности; поэт и поэзия таким образом утрачивают сакральный смысл.

Рефлексия поэта над собственным творчеством, представляющая его в уничижительном свете, характерна для современной поэзии: «Тридцать лет слагаю оду, / избегая крупных тем, / одеялу. А народу / буду я любезна тем, / что с улыбкой Моны Лизы, / с простотою букваря / любящихся вокализы / подтекстовывала я» (Вера Павлова); «Пронзительней сморозить нечто в рифму / чем объяснять. И если некий типчик / засвищет или я вороной крикну, / то карр имеет смысл и прав мотивчик» (Анатолий Найман); «Дорога стелется скатеркой / все в деревянную кровать, / а что метафоры затерты, / мне с января еще плевать. / На скромные запросы птички / у словаря беру взаймы. / И вновь моя весна почти что / неотличима от зимы» (Константин Комаров). Позицию поэта, ставящего под сомнение возможности своего поэтического языка, можно обозначить как коммуникативное самоубийство. Таким образом, в новейшей поэзии формируется специфический образ автора, отчужденного от собственного «Я», оценивающего свое творчество со стороны, с позиции скептически настроенного читателя.

Авторская маска, характерная для современных поэтов, нередко связана с имитацией детских высказываний: «Все ушли на крестный ход, / Я остался только с мамой. / У меня осталось мало Родственников – я и мама, / Я и мама только вот» (Лев Козловский). В приведенном контексте важным элементом детской речи является ошибочная категоризация, зачастую свойственная детям: к числу родственников поведствователь – ребенок причисляет и себя.

Обращение в поэтическом тексте к дискурсу детства связано и с включением прецедентных феноменов, мотивированных детским чтением, в принципиально инородный контекст: «Рассказать тебе сказку про белого бычка? / Жил-был бычок. В пепельнице. / И звали его Салем-с-Ментолом...Но однажды некая толстая корова с накрашенными губами / достала из уютного загончика именно его – / и стала целовать взасос, прижигая...» (Александр Корамыслов). Нина Александрова в стихотворении «Красная шапочка» описывает отношения мужчины и женщины, опираясь на

сказочный сюжет: «...девочка чешет его за ухом, / шепотом говорит ну, пожалуйста, / ты только на меня посмотри / все, чего я боюсь, я ведь выдумала сама / чувство вины, образ отца и самообман...». В данном случае знание сказки о Красной Шапочке, на которое ориентирует уже инициальная позиция текста – его название, помогает читателю реконструировать особенности отношений между персонажами и опасности, которые эти отношения несут.

Как известно, интертекстуальные связи пронизывают современные тексты разных стилей и жанров. «Даже на уровне повседневного разговора мы порой общаемся тезаурусно, не столько рассказывая о чем-то, сколько перечисляя и сопоставляя элементы опыта, набрасывая сетку различительных категорий на пространство своей и чужой жизни» [9, с. 495]. Прецедентные феномены различных типов, безусловно, являются важными элементами ассоциативного тезауруса, частью личного опыта. Новейшая отечественная поэзия активно эксплуатирует прецедентные высказывания из ядерных для русской культуры текстов, известных носителю языка еще со школы. Очень часто они помещаются в иронический контекст и подвергаются трансформации. Так, стихотворение «Памятник» Валерии Черешни начинается со строк «Я памятник себе не воздвигал, / на кой он нужен – лишний пьедестал...». В тексте Вадима Ямпольского в коммунальной квартире «застукан спирающий вещи Олег соседкой, разбуженной шумом», а в «По-вести» Владимира Гандельсмана герой заходит в «бар напрасный, бар случайный». В стихотворении Юрия Кублановского «Бехово» представлена цитата из романа «Идиот», активно используемая как в СМИ, так и в бытовой коммуникации: «Достоевский, правда, погорячился: мир – не мир, на мир красоты не хватит...». Анатолий Найман обрывает цитату из «Капитанской дочки» на полуслове: «Карьер для добывания камня. / Оскал. Раз в месяц караоке / и русский бунт бессмы. В Приокье / вот так. Уверен, и в Прикамье». Высказывание «Русский бунт бессмысленный и беспощадный» постоянно тиражируется в исходном или трансформированном виде в СМИ. Автор оставляет цитату незаконченной, поскольку уверен, что она будет распознана читателем и по-новому осмыслена в новых контекстуальных условиях.

Прецедентные тексты нередко становятся поводом для языковой игры, понятной лишь подготовленному читателю: «...в тени укрывшись, артемиды алчет / несчастный актеон...но деве лень / сказать контральто: кыш отсюда, мальчик! – / ведь мальчик с виду – ну такой олень...» (Вадим Дулепов); «Мерзостно как-то глядеть в старшекласниц лица, / в них призыв Достоевского заголиться...» (Григорий Петухов).

Связь с прецедентными текстами в новейшей поэзии часто оказывается маркером значимой для автора идеи. Так, в стихотворении Григория Петухова «Сам я не видел, но есть, говорят, равнины» каждое из первых пяти четверостиший содержит прецедентные имена, обозначающие разные сферы жизни, понятные для подготовленного читателя: «...сверху все чинно: филактерии, борода, / а под ними Хоркаймер и Деррида»; «Педерастия в духе Уайльда в армии – сплин, истома, /духоборчество развито, культ Толстого»; «Среди людей, жизнь на алтарь искусства / взложивших, – «Так говорил Заратустра» / – популярнейший труд». Использование прецедентных феноменов позволяет автору избежать развернутого описания, ограничившись свернутой речевой формулой и предоставив читателю возможность самостоятельно извлечь смысловое содержание. Нельзя не заметить, что большое количество аллюзий и обращений к прецедентным текстам, использование неатрибутированных цитат, «излишняя герметичность» [3] современной поэзии требуют для адекватного восприятия текста соответствующей интертекстуальной компетенции адресата, недостаточность которой нередко отпугивает читателя.

Выводы

Таким образом, новейшая русская поэзия характеризуется повышенной интертекстуальностью, но в то же время тяготеет к формальному упрощению высказывания. Авторы избегают обозначения прямой позиции лирического субъекта, смещая стилистические регистры в сторону разговорности, воспроизведения картин обыденной жизни (с активным использованием бытовой лексики, снижающей метафоры), языковой рефлексии, направленной на критику собственных поэтических возможностей автора. Семантические доминанты – обытовление, прозаизация, огрубление, использование чужого слова, карнавализация (нередко мрачная) – определяют заметные черты поэзии последнего десятилетия.

Литература

1. Абдуллаев Е. Поэзия действительности (X) // Арion. 2016. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/arion/2016/2/yazyk-poezii-v-smutnoe-vremya.html>.
2. Абдуллаев Е. Тысячелетие поэзии – или прозы? опросы литературы. 2013. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2013/2/ea16-pr.html>.
3. Дуардович И. Боязнь лирики // Арion. 2014. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/arion/2014/3/19d.html>.
4. Зубова Л.В. Критика и защита языка современной поэзии. URL: <http://window.edu.ru/resource/478/38478/files/spr0000051.pdf>.
5. Козлов В. Упоение настоящим: антологические нулевые // Арion. 2012. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/arion/2012/2/k19.html>.
6. Коновалов Е. Язык поэзии в смутное время // Арion. 2016. № 2. URL: В этом отношении плодотворнее оказывается не акцентировать тот или иной языковой пласт, а сопрягать несколько языковых пластов.
7. Скворцов А. Несвоевременная современность пристальное прочтение // Знамя. 2008. № 8. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2008/8/sk9.html>.
8. Чернейко Л.О. Как рождается смысл: Смысловая структура художественного текста и лингвистические принципы ее моделирования. М.: Гнозис, 2017. 208 с.
9. Эпштейн М.Н. Проективный словарь гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 616 с.

References

1. Abdullaev E. Poehziya deistvitel'nosti (X) [Poetry of reality (X)]. *Arion* [Arion], 2016, no. 2. Available at: <http://magazines.russ.ru/arion/2016/2/yazyk-poezii-v-smutnoe-vremya.html>.
2. Abdullaev E. Tysiacheletie poehzii – ili prozy? [Millennium of poetry or prose?] *Voprosy literatury* [Questions of literature], 2013, no. 2. Available at: <http://magazines.russ.ru/voplit/2013/2/ea16-pr.html>.
3. Duardovich I. Boiazn' liriki [The fear of lyrics]. *Arion* [Arion], 2014, no. 4. Available at: <http://magazines.russ.ru/arion/2014/3/19d.html>.
4. Zubova L.V. *Kritika i zashchita iazyka sovremennoi poehzii* [Criticism and protection of a modern poetry language]. Available at: <http://window.edu.ru/resource/478/38478/files/spr0000051.pdf>.
5. Kozlov V. Upoenie nastoiashchim: antologicheskie nulevyie [Excitement real: anthological 2000's]. *Arion* [Arion], 2012, no. 2. Available at: <http://magazines.russ.ru/arion/2012/2/k19.html>.
6. Konovalov E. Iazyk poehzii v smutnoe vremia [The language of poetry in troubled times]. *Arion* [Arion], 2016, no. 2. Available at: V ehtom otnoshenii plodotvornee okazyvaetsia ne akcentirovat' tot ili inoi iazykovoi plast, a sopriagat' neskol'ko iazykovykh plastov.
7. Skvorcov A. Nesvoevremennaia sovremennost' pristal'noe prochtenie [Late modernity close reading]. *Znamia* [Banner], 2008, no. 8. Available at: <http://magazines.russ.ru/znamia/2008/8/sk9.html>.

8. Cherneiko L.O. *Kak rozhdaetsia smysl: smyslovaia struktura khudozhestvennogo teksta i lingvisticheskie printsipy ee modelirovaniia* [How does the meaning born?]. Moscow, 2017. 208 p.

9. Epshtein M.N. *Proektivnyj slovar gumanitarnykh nauk* [Proiective dictionary of Humanities]. Moscow, 2017. 616 p.

Черняк В.Д., Редкина Е.С. Семантические доминанты текстов новейшей русской поэзии // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. №4(79). С. 103–108.

For citation: Chernyak V.D., Redkina E.S. Semantical dominants of newer russian poetry texts. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2017, no. 4 (79), pp. 103–108.